

О ПРОБЛЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

О политических процессах в СССР, как и о большом терроре сталинских времен, существует обширная литература. И тем не менее, проблему эту нельзя считать исчерпанной. Дело не только в том, что исследователям все еще не доступны многие первоисточники, в первую очередь, из архивов партии, правительства и карательных органов СССР. Существенными пробелами страдают также подход к теме.

Политические процессы в СССР с самого начала рассматривались под углом зрения сиюминутной политической линии, что, естественно, определило характер многих оценок. Этим же объясняется и тот факт, что политические процессы рассматривались как одно из существенных звеньев сталинской системы террора, наглядно иллюстрирующих произвольность, необоснованность и крайнюю извращенность методов этого террора. Однако как феномен, который играет самостоятельную роль в сталинской системе, политические процессы не рассматривались.

В прошлом огромное внимание уделяли политическим процессам второй половины 30-х годов. И это понятно. На процессах 30-х годов были осуждены ведущие советские политики: Зиновьев, Каменев, Пятаков, Радек, Рыков, Бухарин, Раковский, Крестинский, а также Троцкий (заочно). Это не могло не врезаться в память людей и не сыграть чрезвычайно большой роли, когда началась публичная дискуссия о сталинщине и ее последствиях.

У медали была, однако, и обратная сторона. Сосредоточенность на процессах 30-х годов вела к недооценке роли значимости ранних политических процессов в СССР, на что в свое время указывал А. Солженицын в "Архипелаге ГУЛаг". Отчасти эта недооценка объясняется давностью ранних судебных процессов, вследствие которой их уже не связывали с текущей политикой. Немалую роль сыграл, однако, подход к проблематике процессов целого ряда коммунистических политиков, представителей

интеллигенции и левых сил за границами СССР — все они связывали "деформацию" в СССР исключительно с именем Сталина. Сталинскому периоду противопоставлялся период досталинский, ленинский, и это должно было лимитировать компрометирующий эффект разоблачений сталинщины. Сказывались и прежитки "классового подхода" при оценке преследований представителей "враждебных классов": такие преследования оправдывались необходимостью экспроприации и подавления этих классов. Ранние политические судебные процессы в СССР против отдельных лиц, как и против общественных и политических групп, не принадлежавших к господствующему режиму, с такой точки зрения не казались неоправданными или, во всяком случае, не шли в сравнение с процессами второй половины 30-х годов. Так получилось, что последующие политические процессы изучались *вне* связи с прошлым. Добавим, что довоенные судебные процессы также рассматривались вне связи с репрессиями послевоенного периода, так как после войны уже не устраивались публичные политические процессы, подобные процессам 30-х годов.¹ Однако суды, аналогичные советским публичным процессам, прошли после второй мировой войны в странах советской сферы влияния: в Венгрии, Албании, Болгарии, Чехословакии и Румынии. В отличие от ранних политических процессов в СССР, восточно-европейские процессы глубоко исследовались и обсуждались в многочисленных политических дискуссиях. Дела осужденных на этих процессах были официально пересмотрены, а жертвы сталинской юстиции реабилитированы.² В ряде стран этот пересмотр явился следствием общественного нажима и, в свою очередь, стимулировал движение за реформы и изменение общественно-политического устройства.³

Зависимость процессов в странах Восточной Европы от советской политики несомненна. Подготовка процессов проходила под непосредственным наблюдением советских специалистов; советское политическое руководство в значительной степени определило не только идейное и политическое содержание процессов, но и многие конкретные детали. Это, однако, прошло почти незамеченным при пересмотре процессов, видимо, из-за того, что главное внимание было сосредоточено на той роли, ко-

торию политические процессы сыграли во внутривнутриполитической жизни стран Восточной Европы. С другой стороны, и официальная политика стран советской сферы влияния была направлена на сокрытие ответственности СССР за политические процессы; материалы об участии СССР в их подготовке не публиковались, поскольку подчеркивание этого момента могло усложнить отношения с Советским Союзом и вызвать недовольство советских руководителей. Это, конечно, сказывалось и на интерпретации фактов. Политические процессы в странах Восточной Европы рассматривались вне всякой связи с предшествовавшими политическими процессами в СССР и уж совершенно вне связи с внутренней политикой СССР. Они ставились в зависимость прежде всего от советских внешнеполитических замыслов. Их связь с процессами предшествующих лет не осознавалась.

Подход советского руководства к политическим процессам также отличается от подхода к политическим репрессиям вообще. До сегодняшнего дня советские политические процессы не были официально пересмотрены. И именно в связи с этим я хочу коснуться некоторых аспектов проблемы политических судебных процессов.

* * *

Я уже говорил, что в последние годы политические процессы в СССР рассматриваются как одна из разновидностей ничем не обоснованных репрессий. Правовая несостоятельность процессов уже ни у кого не вызывает сомнений, но ее не следует путать с беспричинностью.

Нас же интересует не только то, что карались невинные, но и способ ведения следствия и судебного разбирательства, содержание и правовая допустимость обвинения. Исходя из такой точки зрения, к политическим судебным процессам следует отнести не только послевоенные процессы в странах советской сферы влияния "троцкистские процессы" и процессы ранней сталинской эры (например, Шахтинский процесс 1928 г., процесс против так называемой "Промпартии" 1930 г. или процесс "Союзного бюро меньшевиков" 1931 г.), но и предшествовавшие им процессы первой половины 20-х годов,

направленные против действительных противников режима, например, процесс по делу партии социалистов-революционеров (1922 г.), серия процессов деятелей русской православной церкви в связи с изъятием церковных ценностей, процесс Савинкова (1924 г.), процесс по делу о восстании в Грузии в 1924 г., направленный против грузинских меньшевиков, и ряд других дел.

Объединение политических судебных процессов ленинского и сталинского периодов под одним общим понятием бьет по устоявшемуся представлению о противоположности или, во всяком случае, о существенном различии этих двух эпох.

Террор ленинского периода уходит корнями в революцию, он связан с социальными и политическими потрясениями, крушением прежнего строя и жестокой гражданской войной. Сталинский террор отделен от революции и гражданской войны довольно продолжительным периодом "мирного развития"; его единственной причиной было грандиозное по масштабам вмешательство бюрократической власти, которая стремилась обеспечить быстрые темпы индустриализации и найти выход из экономического и общественного кризиса послереволюционных лет. Однако различия между ленинским и сталинским периодами, как и различия в характере, вернее, во внутренней подоплеке репрессий, не исключает общности целого ряда явлений.

Я уже упоминал, что суть политических процессов не следует сводить только к террору, хотя большинство политических процессов проходило на фоне массовых репрессий. В течение продолжительных периодов советской истории террор и даже против известных общественных и политических деятелей обходился без судебной процедуры. С другой стороны, ряд громких политических дел не привел к взрыву террора, как, например, в годы расцвета НЭПа.

Суть политических процессов в СССР следует видеть в безразличии суда к вопросу вины или невинности подсудимых. Первоочередная цель этих процессов не в установлении виновности и не в наказании виновных. Поэтому игнорирование законов, будучи неотъемлемым атрибутом политических процессов, не является их главным признаком. Подлинная суть политических процессов в том, что они были особым инструментом массового

политического воздействия, особым инструментом для мобилизации населения на достижение конкретных целей.

Характерной чертой политических процессов является их гласность. Их всегда сопровождала широкая политическая кампания, в т.ч. и публикация пропагандистских изданий, главным образом, материалов самих процессов. Проводились партийные и общие собрания, на которых принимались резолюции, осуждающие обвиняемых; организовывались уличные демонстрации и т.п.⁴ Для усиления политического эффекта процесса нередко, параллельно с ним, устраивались местные процессы. Такие процессы служили подкреплением проводимой в центре политической кампании на местном уровне.

Решение о проведении политического процесса, без сомнения, принимал политический орган — Политбюро, а позднее, возможно, Секретариат или лично Сталин.⁵ Это, однако, не означает, что такого рода судебные дела всегда начинались по *инициативе* политических органов. Особенно в ранний период советской власти, в 20-е годы, активную роль играли органы ЧК—ОГПУ, которые обладали определенной автономией в делах следствия. Для политических процессов отбирались также дела, возникшие на низших ступенях следствия, но по каким-то причинам получившие известность или казавшиеся политическим органам пригодными для проведения той или иной кампании. В таких случаях дело дополнительно подгонялось под соответствующие политические тезисы. Характерным примером такого рода процесса является так называемое Шахтинское дело (1928 г.) против инженеров и техников угольной промышленности Донбасса, обвиненных во "вредительстве". Этот процесс стал исходным для целой серии политических процессов конца 20-х — начала 30-х годов. Инициатива местных органов ОГПУ была здесь подхвачена Сталиным, которому пришлось преодолеть сопротивление руководящих партийных органов.⁶ Из более ранних процессов подобным образом началось ныне забытое дело об убийстве сельского корреспондента Г. Малиновского в деревне Дымовка Одесской губернии. Первоначально оно велось как уголовное, но после вмешательства властей было превращено в дело о разложении местного партийного и советского актива и

легло в основу многомесячной общегосударственной политической кампании.⁷

Говоря о политических процессах как о стимуляторах массовых политических кампаний, необходимо четко представить себе их роль в повседневной деятельности политических аппаратов: здесь принимались решения партийного руководства, которые становились директивой и определяли действия низших звеньев партийного и государственного аппарата. В последующие годы аппарат разрабатывал планы кампании на всех ступенях управления, вплоть до низших. В действие приводились сотни и тысячи партийных и государственных работников, пропагандистов и журналистов, местные органы ОГПУ и суда, которые делали свои "оргвыводы". Процессы, особенно поздние, были связаны с репрессиями против крупных политических и общественных групп. Результаты процессов влияли на психологию масс, формировали их ментальность, становились осязаемым элементом общественной жизни. Эта задача политических процессов могла быть выполнена только потому, что процессы были политическими инсценировками, режиссеры которых использовали форму судебной процедуры.⁸

Юридическая несостоятельность дела была, как правило, ясна как следователям, так и судьям. На первых порах, однако, инсценировать политический процесс было не так просто, поскольку в первые послереволюционные годы власть имущие стремились скомпрометировать своих *подлинных* политических противников, а те не готовы были играть предписанные сценарием роли. Поэтому на ранних процессах обвиняемые энергично защищались, что, как это ни парадоксально, способствовало созданию видимости справедливого суда.

Типичной постановкой такого рода был процесс эсеров (1922 г.). Инсценировочный характер его подчеркивался уже тем, что в качестве судей, обвинителей и защитников выступали видные коммунистические политики того времени: Ю. Пятаков, Н. Бухарин, К. Цеткин, А. Луначарский, М. Покровский, Ж. Садуль и другие. Они не только "использовали" трибуну суда в политических целях, но, будучи революционерами с именем, уже фактом своего участия в процессе как бы легитимизировали его.

Политические преступления, вменявшиеся в вину подсудимым, относились либо к первым годам гражданской войны и подлежали потому амнистии, либо были трудно доказуемыми.⁹ Но для суда это было несущественно, поскольку обвинение преследовало чисто политические цели. При подготовке процесса эсеров органы следствия и суда использовали метод, который в той или иной форме применялся и впоследствии при подготовке других процессов: они добились сотрудничества части обвиняемых, обещав оправдать их. "Саморазоблачение" этих людей давало возможность обосновать обвинения против остальных.¹⁰

Процессы с целью компрометации и подавления идейных и политических противников проводились, однако, только в первые годы советской власти. Последними такими процессами были суд над Савинковым и процесс против грузинских меньшевиков.¹¹ Впоследствии инсценировка политических процессов пошла по иному пути. Открытые политические противники уже не представляли собой серьезной политической оппозиции, так что в 30-е годы судебные процессы были обращены против людей аполитичных и даже против сторонников советского строя. Театрально-постановочный характер процессов определялся тем, что придумывались не только обвинения, но и "враги". Это привело к ряду перемен в процессе подготовки и проведения суда. Обвинение строилось исключительно на базе "секретной" деятельности. Поскольку обвиняемые не были открытыми противниками строя, отпала необходимость демонстрировать на процессе их сопротивление обвинению. Такое сопротивление, причем на личной, а не на политической основе, имело место только на Шахтинском процессе 1928 г., который был первым из процессов нового типа (в силу ряда обстоятельств у следствия не было достаточно времени для его "подготовки"). Отпала также необходимость отбора для суда конкретных обвиняемых. Следственные органы и прокуратура получили возможность выбирать для процесса тех, кого удавалось сломить и кто соглашался сотрудничать с ними. Это доходило до курьезов: обвинители, убежденные в полной лояльности обвиняемых к власти, апеллировали к их "сознательности" и "ответственности" за успех "политического мероприятия".¹²

В таких условиях отпадала необходимость привлекать к уча-

стии в процессе крупных политических деятелей. Их заменили второстепенные лица из старых большевиков или профессиональные юристы. Процессы бюрократизировались. Власть перестала заботиться о достоверности поведения обвиняемых. Подсудимые все чаще выступали на процессах не только с голословными самообвинениями, но и с политическими оценками своей деятельности. Режиссура усовершенствовалась настолько, что "репетировались" не только разученные роли, но и процессы в целом.¹³

Во второй половине 30-х годов характер инсценировок вновь претерпел изменения. На скамьях подсудимых опять очутились видные политические и общественные деятели, которые в отличие от обвиняемых в процессах на переломе 20-х и 30-х годов, были способны к политическому сопротивлению. Тем не менее, процессы второй половины 30-х годов несравнимы с процессом партии эсеров 1922 г. Перед судом стояли не противники строя, а, наоборот, его активные сторонники и строители. В прошлом некоторые подсудимые так или иначе участвовали в борьбе против Сталина, но к моменту начала процессов они уже давно отошли от такой деятельности. Поэтому тактикой следствия и обвинения было вынудить обвиняемых к полному признанию в преступлениях, ими не совершенных. Процессы этого периода сопровождались бюрократизацией подготовки и проведения суда и, следовательно, ростом органов НКВД, прокуратуры и политического аппарата.

С театральным, постановочным характером процессов связана еще одна особенность: они представляли собой грубейшее нарушение закона, полный правовой произвол.

Этот произвол касался не только процессуальной стороны дела, но и квалификации "преступлений" и вынесения приговора. Такой произвол может казаться парадоксальным, поскольку в некоторых случаях нетрудно было установить противозаконные действия отдельных обвиняемых. Но следствие и суд не интересовали подлинные проступки, потому что власть была заинтересована в доказательстве лишь тех тезисов, которые она хотела продемонстрировать посредством процесса.

С точки зрения обвинения процессы можно разделить на четыре основных группы (волны): *процессы раннего периода*, т.е. первой половины 20-х годов, направленные против идейных или политических противников большевиков; *процессы на переломе 20-х и 30-х годов* по делам "вредителей" против специалистов-экономистов, инженеров и техников; *процессы второй половины 30-х годов* против видных большевиков (включая военных) и, наконец, *процессы* против видных политических деятелей в странах советского блока *после второй мировой войны*.

Политические мотивы каждого из больших процессов или каждой серии процессов были различны. В первом из больших политических процессов советской власти, в процессе партии эсеров 1922 г., такой целью, несомненно, была компрометация и полный разгром этой партии. Процесс эсеров иллюстрирует ленинское понимание НЭПа: уступки в экономико-социальной сфере, но ни в коем случае не в сфере политической.¹⁴

НЭП в его первоначальном виде представлялся большевикам как уступка крестьянству. Считалось, что партия социалистов-революционеров представляет или пытается представлять именно крестьян. Крестьянский вопрос даже после введения НЭПа весной 1921 г. не мог считаться решенным. Страна переживала жесточайший неурожай и голод. Жертвами голода в Поволжье, на Северном Кавказе и на Украине стали несколько миллионов человек, в основном, крестьян. Поэтому правящая партия так опасалась роста влияния эсеров.

Процесс партии социалистов-революционеров был также политической кампанией против принципа "многopатийности" в советах и означал полный разрыв с прежней практикой частичного допущения к власти представителей других социалистических партий. Сходный характер, но в региональном масштабе, имело также дело грузинских меньшевиков после подавления восстания в Грузии в 1924 г. Это восстание, в котором не обошлось без провокационных действий со стороны властей (ОГПУ знало о его подготовке, но не предприняло необходимых мер для предупреждения восстания), было последней попыткой не допустить международного признания аннексии Грузии советской

Россией. Восстание, как и последовавший за ним судебный процесс были использованы для оправдания террора против национального сопротивления в Грузии.¹⁵

Особняком стоит уже упоминавшееся дело об убийстве сельского корреспондента Г. Малиновского. Оно послужило образцом для некоторых дел 20-х годов (например, по обвинению в антисемитизме), не получивших, однако, широкой огласки. Власть явно пыталась дать образец для дел об убийствах сельских корреспондентов и других активистов. Деревня была озлоблена, и такие убийства совершались довольно часто.

Однако в 20-е годы политические процессы начали сходить на убыль. Середина 20-х годов стала периодом расцвета НЭПа, тогда же в стране проводилась кампания за соблюдение "советской законности". Власть не была заинтересована в обострении социальной борьбы, напротив, она стремилась сгладить ее, преодолеть остатки военного коммунизма и создать условия мирного времени. Для таких целей не годились кампании на базе обвинений в политических преступлениях.

Новый этап наступил в конце 20-х годов, когда хозяйственные трудности опрокинули НЭП и привели к резкому росту социального гнета и, как следствие этого, — к массовому недовольству. Толчок был дан, когда ОГПУ в Донбассе попыталось объяснить крупные неполадки на производстве и плохое положение рабочих "вредительскими действиями" технической интеллигенции. Вмешательство Сталина в это дело изменило направленность политических процессов. На них стали искусно использовать вновь обострившиеся противоречия между бедными и зажиточными нэпманами, что отвлекало недовольство народа от высших органов власти. Уже тогда власть подставляет под удар отдельные и довольно высокие звенья своих аппаратов для того, чтобы защитить свои главные позиции.

На переломе 20-х и 30-х годов политические процессы постепенно превращаются из средства разрядки чрезмерной социальной напряженности в действенный инструмент создания политических и психологических предпосылок для коренной перестройки системы власти в СССР: персонального состава руководящих органов; методов их функционирования, навыков и психологии правящего слоя. Многие обстоятельства процес-

сов 30-х годов до сих пор неизвестны. Прежде всего неизвестно, как родилась идея таких процессов — каковы были конкретные соображения Сталина и его окружения, которые привели к такого рода мерам и в столь широком масштабе. Ведь политические процессы в определенном смысле ставили под угрозу самую власть, поскольку могли вызвать сопротивление Сталину со стороны власти имущих. Кроме того, массовость террора, направленного и против представителей власти, создавала реальную опасность дееспособности всех звеньев власти, вплоть до развала ее важнейших органов.

Существует, однако, и сходство между процессами второй половины 30-х годов и процессами на переломе 20-х и 30-х годов: и те и другие были инструментом социального маневра, инструментом разрядки социальной напряженности и недовольства населения. Новое, однако, заключается в том, что это недовольство направляется в сторону уже не второго эшелона власти, а части ее центральных учреждений. Роль политических процессов как инструмента социального маневра перестала быть основной. Во второй половине 30-х годов они становятся прежде всего инструментом террора против правящего слоя. Процессы приводят к дезориентации этого слоя и его дезорганизации; они восстанавливают население против обвиненных и способствуют созданию атмосферы подозрительности и доносительства, которая, в свою очередь, исключает возможность организации какого бы то ни было сопротивления.

У процессов второй половины 30-х годов есть еще одно отличие от предшествовавших. В них существенную роль играют приговоры. В предшествовавших процессах власти давали разного рода обещания обвиняемым, и некоторые из обещаний (облегчить участь подсудимых) выполнялись (правда, без особой спешки). Во второй половине 30-х годов такие обещания стали лишь приемом, который использовался на следствии для получения необходимых показаний. Суровость приговоров и приведение их в исполнение показывали, что власть заинтересована не только в политическом эффекте процессов, но и в физическом уничтожении подсудимых.¹⁶

В политических судебных процессах второй половины 30-х годов впервые отчетливо проявилась их связь с массовым тер-

рором. В ранних процессах этот момент был не столь ярко выражен; тогда речь шла о подавлении определенных политических и общественных групп. Судебные процессы на переломе 20-х и 30-х годов проходили уже в условиях нарастающего террора и репрессий против широких слоев населения — против части интеллигенции и крестьянства, но прямой связи с террором не имели.

Процессы же второй половины 30-х годов, в отличие от процессов на переломе 20-х и 30-х годов, имеют непосредственное отношение к мотивировке и осуществлению массового террора, главным образом, против представителей правящего слоя. В этой связи необходимо указать на особенность, которая не сразу бросается в глаза. Основная тяжесть обвинения в процессах второй половины 30-х годов была направлена против лиц и групп, уже лишенных власти, против лиц, возвращение которых на ключевые позиции было маловероятным. Выбор для судебных процессов таких политических деятелей как Зиновьев, Каменев, Пятаков, Радек, Рыков или Бухарин был обусловлен, видимо, возможностью привлечь широкое внимание к процессам и обеспечить тем самым их влияние на общественность. Эти процессы сделали возможными репрессии против стоящих у власти лиц (Орджоникидзе, Рудзутак, Чубарь, Коссиор), включая военных и работников НКВД. В более широком плане процессы второй половины 30-х годов привели к тому, что любые проявления политических и идейных различий, любые отклонения от позиции или линии руководства стали рассматриваться как преступление. Политические процессы 30-х годов настолько изменили общественный климат, что различные явления общественной жизни стали рассматриваться с точки зрения так называемой "агентурной концепции", то есть концепции, в соответствии с которой во всех противоречиях и недостатках обвинялись "агенты".

* * *

Необходимо, наконец, коротко остановиться на процессах в странах советской сферы влияния. Здесь можно выделить три типа таких процессов: ранние процессы против противни-

ков коммунистов и некоммунистических деятелей, аналогичные советским процессам первой половины 20-х годов. Эти процессы преследовали цели: 1) сломить влияние (или власть) некоммунистических партий и создать условия для установления господства коммунистов; 2) сломить плюрализм политической жизни как принцип.¹⁷ Советский опыт организации политических процессов сказался в том, что власть с самого начала приступила к инсценировкам в соответствии с политическим замыслом и желаемым политическим эффектом. Для этих процессов характерны ложные обвинения, чаще всего в фашизме или сотрудничестве с фашистами; вынужденные показания обвиненных; грубое нарушение всех норм закона.

Однако, с точки зрения советских руководителей, опасность заключалась не только в наличии некоммунистических группировок и плюралистических тенденций, но и в стремлении коммунистических партий восточноевропейских государств к определенной самостоятельности. С 1947 г. стало очевидным различие в подходе к принципиальным международным и политическим проблемам югославских и советских коммунистов, которое в результате и привело к разрыву между Югославией и СССР.

Сталинское руководство не готово было ограничиться словесным осуждением компартий стран советской сферы влияния и их руководителей за стремление к самостоятельности,¹⁸ поэтому оно прибегло к методу криминализации их независимой политики. Вначале "агентурой империализма" был назван Союз коммунистов Югославии, а затем аналогичное обвинение было выдвинуто против других коммунистических партий, что вылилось в инсценировку политических процессов: Райка (Венгрия), Костова (Болгария), Кочи Дзодзе (Албания), подготовка процесса против Гомулки в Польше. Вряд ли нужно пояснять, что эти политические процессы были инструментом советской политики.

В начале 50-х годов в странах советской сферы влияния начинаются преследования государственных и партийных деятелей. Этот террор использовался как средство полной перестройки личного состава аппарата власти, методов его работы, господствующей идеологии. После войны и в страны Восточной Европы была привнесена "агентурная концепция" объяснения всех

недостатков и противоречий. Укреплению этой концепции и служили политические процессы, на которых осуждались уже не самостоятельность компартий восточноевропейских стран и не "специфические пути", по которым эти страны намеревались идти к социализму, а "связи видных коммунистов с различными империалистическими агентурами и, в первую очередь, с агентами сионизма". Первым в цепи подобных процессов стало дело Сланского в Чехословакии, причем прослеживается непосредственная связь этого дела с событиями в СССР — с кампанией против "космополитизма" и "сионизма", с "делом врачей" и с готовившейся Сталиным чисткой советского руководства, которой воспрепятствовала смерть Сталина. Парадокс истории в том, что последним политическим процессом сталинского типа был процесс Берия (1953 г.). И только после него началась кампания за преодоление произвола сталинской эры.

* * *

Сказанное выше о политических процессах вызывает вопрос, как относится к ним руководящий слой СССР, в первую очередь руководство правящей партии. В литературе нередки попытки объяснить эти процессы лишь как результат деятельности Сталина. Отношение же КПСС к репрессиям вообще и к политическим процессам — в частности, с самого начала отличалось от отношения европейских политических партий к этим проблемам. При формировании позиции КПСС особую роль сыграли два обстоятельства. Первое из них — представления о классовых отношениях после революции, которые исходили из необходимости "диктатуры пролетариата", понимаемой как неограниченную законом власть коммунистической партии. Такое понимание неизбежно принижало значение судебной процедуры, превращая вопрос о вине и наказании в *политическое* решение, принятое на основе соображений *политической* целесообразности. К этому присовокуплялось влияние социальных предствлений большевиков. Представители имущих классов в целом рассматривались как враги; установление индивидуальной вины не считалось обязательным условием наказания. Такая практика была особенно характерна для периода гражданской войны, но ее последствия сохранились и позже.¹⁹

Вторым моментом, определявшим отношение представителей правящей партии к политическим процессам, было представление о суде как о средстве массового воспитания — при таком подходе суд рассматривался прежде всего как постановка, разъясняющая определенные политические идеи.

С введением в 1921 г. НЭПа представление о законности начало меняться. Прекратился превентивный террор, были сильно ограничены полномочия ОГПУ. Усилиями председателя Совнаркома Союза ССР А.И. Рыкова и председателя ЦИК СССР М.И. Калинина в 1924 г. развернулась политическая кампания за соблюдение "советской законности", что раздвинуло границы правопорядка мирного времени. Вплоть до Шахтинского дела 1928 г., то есть до тех пор, пока сохраняли влияние несталинские группировки внутри партии, представление ОГПУ или Прокуратурой материалов о существовании дела было обязательной предпосылкой решения партийного руководства о проведении политического процесса. Внешняя видимость этого правила сохранялась, впрочем, и позднее, даже когда инсценировка была совершенно очевидной для квалифицированных политиков.

Но и во времена НЭПа отношение к судебной процедуре не отвечало нормам правового общества. Ее осуществление не было полностью в ведении судебных органов; решающее слово оставалось за политиками с их расширенным толкованием политических преступлений и политической роли суда.

Классовое понимание политического преступления создавало большие возможности злоупотреблений ОГПУ и злоупотреблений с идеологической мотивировкой. Нельзя сказать, что ОГПУ и его следственные органы пользовались полным доверием партийного руководства, когда речь шла о конкретных делах; но ОГПУ доверяли как одной из основных опор власти, хотя иногда, по той или иной причине, руководство проверяло следственную деятельность ОГПУ.²⁰ С течением времени к этому присовокупилось и то обстоятельство, что в поддержке ОГПУ нуждались борющиеся между собой партийные фракции. Никто из членов руководства ВКП(б) не хотел конфликта с ОГПУ, чтобы не дать преимущества другой стороне.²¹ В этих условиях проверка содержания политических дел могла быть лишь весьма поверхностной. Но и при пристальном внимании к политическим судебным процессам отдельных членов партийного руко-

водства они не утратили бы постановочного характера, так как первопричина его была во всеобщем произвольном отношении к законности.

Не следует чрезмерно упрощать и роли Сталина в политических судебных процессах. Его подход тоже претерпел определенные изменения. До какого-то времени Сталин действовал в соответствии с нормами, принятыми в партии. Вплоть до 1927 г. Сталин блокировался с умеренной частью партии (Рыков, Бухарин, Томский) и был защитником НЭПа. Это не могло не наложить отпечатка на использование им карательных органов. Я не отрицаю, что Сталин и в ранние годы сильно тяготел к злоупотреблениям властью и к насильственному решению проблем. Однако тогда Сталин по многим соображениям стремился завоевать репутацию умеренного политика, а такая репутация несовместима с практикой политических судебных процессов и их обоснования с "классовых позиций". Для использования массовых репрессий в полном объеме требовались новые условия — условия нарастающего экономического и социального кризиса. Что касается специфической роли политических процессов, то Сталин, очевидно, опознал ее в связи с Шахтинским делом, однако, широкое применение процессов стало возможным только после устранения из руководящих органов ВКП(б) сторонников "умеренного" крыла большевиков.²²

Проблематика процессов против членов партии тоже не совсем проста. Партийный актив первоначально сопротивлялся вмешательству органов государственной власти во внутривнутрипартийные дела — большевики помнили опыт французской революции и судьбу якобинцев. Членов партии трудно было с помощью механизма "классового" мышления уверить, что бывшие руководители партии — Троцкий, Зиновьев, Каменев, а тем более Рыков и Бухарин, — виновны в контрреволюционной деятельности. Однако процессы против членов партии облегчила фракционная вражда и ложные компрометирующие обвинения. В течение 20-х годов фракционная борьба становилась все более ожесточенной, особенно между партийным руководством и левой оппозицией. С 1927 г. оппозицию все чаще называли "контрреволюционной группой", связанной с "чуждыми элементами". Высылка Троцкого за границу в 1929 г. облегчила обвинения оп-

позиции в связи с иностранными правительствами, политическими партиями или просто шпионскими агентствами.

Первая попытка выдвинуть против видных членов партии такие обвинения относится к 1930 г. Тогда в сообщении ОГПУ о раскрытии "заговора специалистов" были названы видные коммунисты (Рязанов и др.). Тем не менее процессы против коммунистов тогда не начались. Можно предполагать, что сопротивление в партии такой возможности было еще очень сильным.²³ Нельзя с уверенностью утверждать, что Сталин уже тогда задумал массовый террор против собственной партии. Этот замысел, несомненно, прошел через целый ряд промежуточных ступеней. Только в августе 1936 г., через полтора года после убийства С.М. Кирова, Сталину удалось осуществить первый из "троцкистских процессов".²⁴

Сильное сопротивление таким процессам и вообще репрессиям против членов партии, возможно, имело место и в дальнейшем. В Политбюро, вероятно, наряду с последовательными сталинистами, полностью поддерживавшими репрессивную политику, были и колеблющиеся. Есть основания полагать, что Сталин скрыл от руководства, во всяком случае, — от его части — подготовку процесса Зиновьева и Каменева, "процесса шестнадцати".²⁵ Известно о сопротивлении Орджоникидзе против второго "троцкистского" процесса — процесса Пятакова и Радека, с чем было связано его вынужденное самоубийство. Не исключено, что такое сопротивление обусловило и судьбу других членов тогдашнего партийного руководства (Рудзутака, Чубаря, Коссиора и др.).

Нельзя, наконец, упрощать отношение к процессам и последовательных сталинцев. Только часть их была полностью в курсе дела (Молотов, Ворошилов, Микоян, Маленков, Каганович).²⁶ Со временем у них выработалась своеобразная защитная реакция, в которой идеологическое обоснование процессов вытеснило действительное знание обстоятельств. Более молодые руководящие работники не располагали достаточной информацией и не имели возможности ее получить. Это в известной мере относится и к ряду руководителей коммунистических партий стран советского блока, поддавшихся давлению Сталина. Возник своеобразный политический и психологический барьер, определен-

ный способ мышления, при котором идейные и политические тезисы, опирающиеся на массовый психоз борьбы с врагами, вытесняли житейский и политический опыт. Формирование такого ложного сознания и было одной из основных целей политических процессов.

* * *

Проведенная после смерти Сталина реабилитация жертв внесудебных преследований и террора не привели к ревизии политических процессов. В значительной степени это объясняется тем, что в странах советского блока пересмотр политических судебных процессов привел к общественным потрясениям (Польша и Венгрия в 1956 г., Чехословакия в 1968 г.).

Пересмотр политических процессов чреват серьезными последствиями и для самой правящей партии. Ведь осужденные на процессах второй половины 30-х годов в СССР и в послевоенные годы в странах Восточной Европы были видными партийными руководителями. Ревизия их дел привела (в Восточной Европе) и привела бы (в Советском Союзе) к новому соотношению сил внутри партий и стала (или стала бы — в СССР) существенным фактором в борьбе за проведение реформ.

В коммунистических партиях стран Восточной Европы и СССР определились три основных направления: *неосталинское* — выступавшее против пересмотра политических процессов и уж, во всяком случае, против открытой ревизии их; *либеральное* — стремившееся к пересмотру процессов и использованию этой ревизии как орудия против сталинцев и неосталинцев; и, наконец, направление *радикально-реформистское* — не имевшее существенного влияния в аппаратах и представленное, главным образом, партийной интеллигенцией. Приверженцы этого направления были заинтересованы в публичном пересмотре процессов ради мобилизации общественности, создания социальной и политической базы для преодоления сопротивления аппарата необходимым реформам.

В столкновении этих трех направлений в Советском Союзе перевес оказался на стороне аппарата. Был достигнут своеобразный компромисс между неосталинскими и либеральными элементами, результатом которого был отказ от публичного пере-

смотра процессов. Проблема, очевидно, в том, что эти политические судебные процессы укоренены в структуре сегодняшнего советского строя гораздо глубже, чем можно было предполагать. Эти процессы сформировали основные идейные и политические шаблоны советского общества. Ревизия политических процессов второй половины 30-х годов повлекла бы за собой пересмотр всей истории внутрипартийной борьбы 20-х годов, поставила бы под сомнение сталинскую теорию и практику строительства СССР.

Подход нынешних советских руководителей к пересмотру политических процессов не совпадает с их подходом к сталинскому произволу и террору. Сопротивление открытому пересмотру политических процессов является одной из охранительных реакций советского режима, и в настоящее время трудно сказать, изменится ли вообще отношение к публичному пересмотру политических процессов в СССР. Это зависит не только от соотношения сил внутри КПСС, но и от других факторов общественного развития. Если бы в СССР пересмотр политических процессов был бы проведен в ближайшие годы, он вряд ли привел бы к серьезным общественным потрясениям, но сам факт открытой ревизии нарушений закона и причин инсценировки этих процессов имел бы огромное значение, поскольку в результате такой проверки неизбежно рухнул бы ряд идейно-политических построений, наличие которых как раз-то и допускает возможность повторения трагедии.

Примечания

- ¹ В этой связи упомяну так называемое "дело врачей" начала 1953 г. Лечащие врачи ведущих советских политиков были обвинены в убийстве или подготовке убийства своих пациентов. Обвиняемых связывали с "иностранными центрами", главным образом с "сионистами". Характер сопровождавшей это "дело" кампании и готовившиеся Сталиным устранение ряда партийных руководителей и депортация евреев в лагерь показывают, что "дело врачей" должно было стать предметом рассмотрения на открытом процессе. Оно было прекращено вскоре после смерти Сталина.
- ² Исключение составляет Албания, где не был пересмотрен процесс Кочи Дзодзе, который состоялся в 1949 году. В некоторых странах, например, в Чехословакии, пересмотр политических судебных процессов растянулся на долгие годы. (См. "Отчет Комиссии ЦК КПЧ о политических процессах и реабилитации невинно осужденных". Сокращенный перевод на русский в этом номере журнала "Проблемы Восточной Европы").
- ³ Особенно бурными были события в Польше и Венгрии (1956 г.).
- ⁴ Ярким примером такой "публичности" является процесс по делу партии эсеров в 1922 г. Летом 1922 г. в Москве была организована многотысячная демонстрация "трудящихся", требовавших смертной казни обвиняемых.
- ⁵ Так было уже и в ленинский период. Подготовкой процесса эсеров занимались руководящие партийные деятели. Когда Радек и Бухарин весной 1922 г. на проходившем тогда совещании трех Интернационалов заверили присутствующих, что смертных приговоров не будет и обещали допустить на суд иностранных защитников-социалистов, Ленин реагировал статьей "Мы заплатили слишком дорого", в которой назвал эти обещания ошибкой, "политической уступкой революционного пролетариата реакционной буржуазии". (Ленин, Полное собр. соч., т. 45, стр. 140-141). В период сталинщины положение еще более ухудшилось.
- ⁶ Подробнее см. Michal Reiman, Die Geburt des Stalinismus. Die UdSSR am Vorabend der „zweiten Revolution“, Frankfurt/Main, 1979, Kap. 5; его же "Шахтинское дело", журнал "Время и мы", Тель-Авив, 1979/45.
- ⁷ "Дымовка" стала нарицательным понятием в жаргоне партийных работников в 20-е годы. В убийстве Г. Малиновского, действительные мотивы которого сегодня трудно установить точно, обвинялась пар-

тийная верхушка Дымовки. Окружному комитету партии в Николаеве и Губернскому комитету партии в Одессе дело казалось весьма сомнительным, а сама фигура Г. Малиновского не внушающей доверия. Чтобы сломить сопротивление этих партийных органов, был предпринят целый ряд мер, включая высылку на место особой комиссии ЦК и ЦКК ВКП (б).

⁸ Истоки такой организации судебных процессов следует, очевидно, искать в ленинских идеях о воспитательной роли суда, широко усвоенных ведущим активом партии.

⁹ Подсудимых обвиняли в заговорщической или террористической деятельности и в умышленном сокрытии ими правды. Главным обвиняемым суд пытался вменить в вину также содействие Ф. Каплан в покушении на Ленина в 1918 г. Идеологический характер обвинения должен был компенсировать недостаток доказательств виновности подсудимых.

¹⁰ В данном случае против членов ЦК партии эсеров были использованы в первую очередь показания членов боевой, т.е. террористической организации этой партии.

¹¹ Последний не освещался общегосударственной прессой, оставаясь тем самым "местным" закавказским событием. Данные о нем сохранились в рукописи Г. Утрадзе "Грузия под советской оккупацией" (Archiv Hoover-Institution, Stanford, USA).

¹² Весьма характерный разговор с прокурором Н.В. Крыленко передает М.П. Якубович, один из обвинявшихся по процессу "Союзного бюро меньшевиков":

"Предложив мне сесть, Крыленко сказал:

— Я не сомневаюсь в том, что вы лично ни в чем не виноваты. Мы оба выполняем наш долг перед партией, — я вас считал и считаю коммунистом. Я буду обвинителем на процессе, вы будете подтверждать данные на следствии показания. Это — наш с вами партийный долг. На процессе могут возникнуть непредвиденные осложнения. Я буду рассчитывать на вас. Я попрошу, в случае надобности, председателя дать слово вам. А вы найдете, что сказать.

Я молчал.

— Договорились? — спросил Крыленко.

Я что-то невнятно пробормотал, но в том смысле, что обещаю выполнить свой долг. Кажется, на глазах у меня были слезы. Крыленко приветственно помахал мне рукой. Я вышел".

Р.А. Медведев. "К суду истории. Генезис и последствия сталинизма". Нью-Йорк, 1974, стр. 265.

¹³ См. "Отчет Комиссии ЦК КПС о политических процессах и реабилитации невинно осужденных" (сокращенный перевод на русский в этом номере журнала "Проблемы Восточной Европы").

¹⁴ Такое понимание НЭПа было сформулировано Лениным еще в ходе подготовки X съезда РКП (б); позже оно было развито шире. Приведем отрывок из выступления Ленина на XI съезде РКП (б) в марте 1922 г.:

"И когда меньшевик говорит: 'Вы теперь отступаете, а я всегда был за отступление, я с вами согласен, я ваш человек, давайте отступать вместе', — то мы ему на это говорим: 'За публичное оказательство меньшевизма наши революционные суды должны расстреливать, а иначе это не наши суды, а Бог знает, что такое'."

(В.И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 89.)

¹⁵ Грузия была оккупирована войсками советской России в 1921 г. До этого во главе Грузинской республики стояли меньшевики. После оккупации Грузии и последовавшего за этим ее включения в состав закавказской федерации начались политические репрессии, сопровождавшиеся значительным ухудшением экономического положения республики.

¹⁶ Немногие подсудимые, не получившие смертного приговора на этих процессах, были также уничтожены.

¹⁷ Это понадобилось потому, что в странах Восточной Европы существовали традиции плюрализма, причем после окончания второй мировой войны плюрализм пропагандировался даже компартиями до их прихода к власти, разумеется.

¹⁸ Как известно, осуждение Советским Союзом Югославии не получило единодушной поддержки. Сомнения высказал тогда не только Гомулка, тогдашний генеральный секретарь Польской объединенной рабочей партии, но и Г. Димитров.

¹⁹ Например, уже упоминавшийся расстрел заложников без суда и установления индивидуальной вины, по чисто социальному принципу, в 1927 г. в связи с убийством в Польше советского посла Войкова.

²⁰ Существовал неписанный запрет на личное вмешательство в следственные дела ОГПУ членов партийного руководства. Для такого вмешательства требовалось официальное решение, предусматривавшее, как правило, назначение особой комиссии и т.д. Текущий надзор над деятельностью ОГПУ осуществлял генеральный секретарь ЦК ВКП (б); в его

обязанности входило также систематическое консультирование председателя ОГПУ по политическим вопросам. При такой системе контроля отдельным членам руководства было трудно составить реальное представление о содержании отдельных дел и вообще о следственных методах ОГПУ.

- 21 Вплоть до середины 1928 г. умеренная часть руководства ВКП (б) — Бухарин, Рыков и Томский — рассчитывали в столкновении со Сталиным на поддержку части руководства ОГПУ (Ягода, Трилиссер).
- 22 Кроме поражения Бухарина, Рыкова и Томского в 1929 г., серии процессов 1930-1931 гг. предшествовало "разоблачение" группы Сырцова (председатель Совнаркома РСФСР) и Ломинадзе (руководитель Закавказской организации ВКП(б/)), а также устранение с поста председателя Совнаркома СССР А.И. Рыкова, сопротивлявшегося Шахтинскому делу.
- 23 Об этом косвенно свидетельствует часто цитируемое высказывание Сталина в 1936 г., что внутрипартийные репрессии запоздали на 4 года (см. Р.А. Медведев. К суду истории. Генезис и последствия сталинизма. Нью-Йорк, 1974, стр. 339.).
- 24 Процессы против коммунистов начались, как известно, в конце 1934 — начале 1935 гг. Тогда на большие сроки были осуждены Зиновьев и Каменев. Эти процессы были, несомненно, политическими, но они еще не были полностью публичными, а обвинения смягчались из-за оглядки на сомневающихся.
- 25 См. Роберт Конквест. Большой террор, Edizioni Aurora, Firenze, 1974, стр. 202.
- 26 В секретном докладе о культе личности на XX съезде КПСС в 1956 г. Хрущев приводит цитату из заявления одного из старейших членов сталинского руководства Я. Э. Рудзутака суду, приговорившему его к смертной казни, — он писал о существовании нераскрытого "центра" в НКВД, фабрикующего дела.